Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз – о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В прошлом номере мы начали рассказывать о начале разгона Иргизских старообрядческих монастырей. И если Нижне-Воскресенский (около Криволучья) сдался правящей церкви практически без боя, то монахи-раскольники Средне-Никольского (около слободы Мечетной – затем города Николаевска – теперь Пугачёва) и их многочисленные сторонники грудью встали на защиту обители «древнего благочестия». Вот как писал об этом впоследствии историк Даниил Мордовцев:

Храм Средне-Никольского (женского) монастыря сегодня.

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

РАЗГОН

«…Тысячами хлынул к монастырю народ и из соседних сёл. Многие являлись с ружьями, пистолетами, копьями, кистенями, дубинами. Понятые, расставленные около монастыря, не выдержав напора, бежали в монастырь. Завязалась ещё более ожесточенная свалка…».

Губернатор Степанов в это время был в покоях настоятеля. Узнав из «доклада» о критическом положении дела, он приказал бросить защиту монастыря от ещё прибывавшего народа и «более не раздражать толпы». Опасаясь за собственную особу, он бежал в город. За ним последовали и все чиновники.

«Так кончилось неблаговременное распоряжение губернатора», – говорит сохранившееся от тех дней описание, составленное Гавриилом Чернышевским.

Наутро губернатор распустил по домам понятых, число которых достигло 1000 человек, приказал возвращаться на свои места и чиновникам. После этого он сам уехал в Саратов и тут же составил о происшедшем донесение в Петербург.

А старообрядцы послали депутацию к шефу жандармов Бенкендорфу, прося его защиты. В прошении они писали, что, молясь по священным обрядам, «они никому не делают вреда, усердно платят все требуемые правительством подати, не уклоняют себя ни от какой общественной или государственной службы, повинуются гражданским законам, почитают священными власть и особу государя и всегда готовы для него и за него пролить кровь свою».

Звонница Средне-Никольского (женского) монастыря сегодня.

Прошли две-три томительные для старообрядцев недели. Их просьба не была услышана. Степанов получил дополнительные инструкции из Петербурга и снова отправился на Иргиз завершать начатое.

Из Саратова прибыла военная команда в 200 солдат с офицерами и боевым запасом, команда казаков из 3-го казачьего полка Астраханского войска. Из Хвалынска губернатор вызвал квартировавшую там конно-артиллерийскую бригаду. Он даже прихватил половину саратовской пожарной команды с пожарными трубами. А на месте из православных крестьян окрестных сёл было собрано уже 2000 человек понятых.

12 марта 1837 года раскольникам предложили «изъявить покорность» и принять единоверие. Но все 432 человека мужчин и 617 женщин ответили решительным отказом: «Монастыря не оставим, церкви нашей никому не выдадим. Сила наша будет крепче вашей силы». Тогда губернатор созвал «военный совет», и на нём было решено действовать не огнестрельным оружием и артиллерией, а нагайками казаков, прикладами солдат и пожарными трубами.

Так и было сделано. 13 марта подступили к монастырю. Вокруг храма в несколько рядов лежал народ, крепко сцепившись друг с другом. Гарцевавший впереди отряда Степанов скомандовал «пли!», и началась стрельба холостыми зарядами. В то же время на «бунтовщиков» начали качать воду из пожарных труб. Казаки ударили в нагайки, пехота начала действовать прикладами по неподвижно лежавшим защитникам монастыря. Гул выстрелов, вопли и стоны избиваемых смешались в одном хаосе, который способен был нагнать панический страх на самого храброго человека. В течение двух часов шла «работа», пока все сопротивлявшиеся не были выставлены за ограду.

Николаевский благочинный протоиерей Элпидинский (тот самый, который служил до этого с 1830 года в балаковском Троицком храме), вызванный в числе других для приёмки покорённого монастыря, доносил в рапорте епископу Иакову:

«Подъезжая к воротам монастыря, увидел множество народа обоего пола, лежащего связанным… Увидел по всему двору текущую воду и множество крови; ибо насосами разливали народ, а на лошадях разбивали оный в кровь; оттого вода и кровь омыли монастырскую площадь. У холодной церкви, в которой служба совершалась летом, господин губернатор встретил нас таковым приветствием: «Ну, господа отцы, извольте подбирать, что видите». Засим в тёплой, т.е. зимней церкви, по сбитии замков освящена вода и всё оной окроплено, и паки благодарен губернатор. Между тем, пока был отслужен молебен, воинство и понятые разбойнически в присутствии губернатора грабили имущество монастырское. Окна, двери, полы, погреба, подвалы, кладовые, сундуки, шкафы, – словом, всё как бы от ужасного землетрясения разрушалось. Всего имущества, кроме находящегося в церквах, в ризнице, при всей нашей тщательной заботливости не собрано по всему монастырю более как на 300 рублей. Хлеб, кроме трёх амбаров, которые остались не разломанными, рыба, масло, овощи, одежда, плуги, сани, колёса, телеги и всякая домашняя рухлядь – всё как бы огнём пожжено. Словом, монастырь сей оставлен в жалком положении по соизволению господина губернатора».

Из людей пострадало в тот день 160 человек, которые оказались «хворыми, слабыми и утомлёнными» (битьём). Некоторый материальный урон, однако, понесли при «усмирении» и участвовавшие в деле войсковые части: «при сём действии изломано было ружейных лож до нескольких десятков», – рассказывали старообрядцы. По отзывам николаевских старожилов, не в полной целости вернулись в Саратов и пожарные насосы, сыгравшие роль пулемётов в воинских подвигах храброго суворовского «птенца». Впрочем, могла ли быть какая-либо мысль, какая-либо забота о целости чего-нибудь там, где было «смятение, вопль, плач, убийственные кровавые раны между старообрядцами, в особенности же между женским полом и малолетними детьми», где лежали кучами избитые, «обагрённые оных кровью».

Относительно того, куда девались обильные материальные богатства, Мордовцев писал, что старожилы рассказывали, что «некоторые из мелких официальных лиц набивали громадные сундуки серебряными ризами от ободранных икон и другими сокровищами». Небезупречными в этом оказались и понятые, у которых при обыске найдены были крупные суммы денег, не говоря уже о вещах: у некоего Зайчинова, например, отобрано 1211 рублей.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует